

Чи Ань так и не спросил у Лян Цэ, когда у того день рождения.

Лян Цэ вспомнил об этом, рассматривая своё тело в абсолютно пустой душевой фитнес-клуба. Он почувствовал лёгкое уныние. Неужели Чи Аню совсем не любопытно? Вроде бы нет, не похоже. Чи Ань не спрашивал напрямую, но, находясь рядом, то и дело выискивал и подмечал детали. Он вставал на цыпочки перед книжным шкафом Лян Цэ, пытаясь разглядеть корешок каждой книги, в его подписках были аккаунты абсолютно всех блогеров из агентства Лян Цэ, он даже откопал то самое первое видео пятилетней давности с обзором заведений, которое сняла та недавняя блогерша. Так те слова в машине Чи Ань сказал ради самой девушки или чтобы потешить его, Лян Цэ? Чтобы утешить плачущую женщину или чтобы заставить его сердце трепетать? Нет. Как он вообще мог так предвзято судить о Чи Ане? Неужели каждое слово и действие парня обязательно должно быть направлено на флирт с ним? «Лян Цэ, ты отвратителен», - пришёл к выводу Лян Цэ, глядя на себя в зеркало.

- Симпатия одного человека к другому всегда начинается с любопытства, - два года назад, когда мама впервые разрешила Лян Цэ вернуться в семью, Лян Чэнь как раз привёл знакомиться свою девушку. И Лян Цэ случайно услышал, как мама говорила младшему брату: - Но далеко не всякое любопытство перерастает в любовь. Тебе просто стало немного любопытно, вот и всё.

Мама сказала так, потому что та девушка ей не понравилась, но её слова казались правдой. В то время как большинство людей проявляют интерес только к тому, что выглядит привлекательно, Лян Чэню было любопытно абсолютно всё: хорошее и плохое, счастье и трагедии, женщины и мужчины. Лян Чэнь относился ко всему миру одинаково, а потому был невероятно изменчив.

Это ненормальное любопытство превратило Лян Чэня в яркого, эксцентричного человека. Он сам стал тем самым «привлекательным объектом», приковывая к себе обывательское любопытство окружающих. Поэтому с самого детства Лян Чэнь купался в лучах популярности. Лян Цэ же был его полной противоположностью. Его не интересовало в этом мире ничего, за исключением горстки избранных людей. Его любопытство было избирательным и дотошным, но если уж оно зарождалось, то оставалось навсегда.

В работе это скупое на эмоции любопытство играло ему на руку. Благодаря ему Лян Цэ выглядел профессиональным, тактичным и лёгким в общении. Если в основе ведения бизнеса лежит умение грамотно интегрировать и оживлять имеющиеся ресурсы, то Лян Цэ владел этим искусством в совершенстве. Его равнодушный к пустякам мозг инстинктивно отсекал привлекательную, но бесполезную мишуру, обнажая саму суть и скелет процессов. Несколько лет назад они с Лу Си на пару месяцев уехали в Ханчжоу, где буквально поселились в партнёрской компании по лайв-стримингу, затем мотались в Гуанчжоу и Шэньчжэнь и всё ради того, чтобы выбить для себя их каналы цепочек поставок. После этого он переманил из прошлой компании двух-трех перспективных менеджеров и агентов, нанял через сайты вакансий парочку стажёров по сто юаней в день, лично переговорил с крупными блогерами, которые были с ним в хороших отношениях и тоже хотели попробовать себя в стримах и вот: в кратчайшие сроки маленькая команда уже обслуживала больше десятка топ-инфлюенсеров.

Однако на любовном фронте нелюбопытный человек неизбежно оказывался скучным. Лян Цэ

был слишком пресным, никто не хотел распробовать его на вкус. Именно поэтому ему требовалось найти в себе что-то другое, что сделало бы его «привлекательным объектом». Что-то максимально наглядное, редкое и бьющее наотмашь. И этим «чем-то» стало его лицо.

Лян Цэ следил за собой с маниакальной безупречностью. Это не была дикая, животная сексуальность, не пацанский шарм или живое обаяние - это была доведённая до крайности, утончённая красота. Даже сейчас, только что потренировав плечи, приняв душ и стоя перед зеркалом в каплях воды, он не выглядел растрёпанным. На его кадыке не было ни единой складки, в Т-зоне не виднелись поры. Прокачанные, но не перекачанные мышцы, идеально симметричный изгиб губ. Любое уродство, которое должно было проявиться естественным путём, было им безжалостно кастрировано. Он был красив до неестественности настолько, что любой человек при встрече должен был засыпать его вопросами в духе: «Когда у тебя день рождения?».

Но почему Чи Ань не спросил?

Чи Ань спросил: «Твой брат намного младше тебя?». Почему он спросил про брата? Не надо смотреть на его брата. Смотри только на него. Было бы идеально, если бы Чи Ань видел только его одного.

Желанию Лян Цэ не суждено было сбыться.

Чи Ань увидел Лян Чэня во вторую пятницу их общения. В тот день Лян Цэ после сверхурочной работы позвал Чи Аня в кино. Чи Ань как раз гулял с собакой неподалёку и спросил, можно ли пока оставить бордер-колли у них в офисе. Так они и пересеклись в компании.

На повороте, где коридор от кабинета Лян Цэ выходил к стойке ресепшена, он увидел Лян Чэня. Тот стоял прямо напротив Чи Аня и что-то ему говорил. Какого чёрта Лян Чэнь забыл здесь? Где его звонок с предупреждением? Где стук в дверь? Неужели он научился ходить совершенно бесшумно? Лян Чэнь всегда появлялся как призрак, обладая при этом тяжёлым, почти божественным или демоническим присутствием. В те годы, когда Лян Цэ больше всего на свете отчаянно пытался завоевать внимание матери, он порой всерьёз думал, что Лян Чэнь всего лишь плод его больного воображения. Что никакого брата у него нет, а сам он просто сумасшедший. А мама на самом деле просто не любит его, а не любит кого-то другого сильнее.

Лян Цэ мгновенно растерял всю свою рабочую невозмутимость. Ему хотелось немедленно броситься туда, но в этот момент он услышал вопрос Лян Чэня:

- Мой брат за тобой ухаживает?

Чи Ань вежливо, но крайне скупно улыбнулся:

- Нет.

- Тогда, может, мне за тобой приударить? - короткая стрижка Лян Чэня очень шла его открытому, по-юношески задорному лицу. Он с воодушевлением предложил: - Идти с моим братом в кино же тоска смертная. Погнали лучше в один паб, ты там сто процентов никогда не был.

Чи Ань сохранял всё ту же неизменную улыбку, но перестал моргать, отчего его взгляд стал очень серьёзным. Затем он мягко, не торопясь, отчётливо произнёс:

- Он за мной не ухаживает. Это я жду твоего брата.

Фразы, лишённые союзов, всегда оставляют больше всего пространства для воображения. Лян Цэ не посмел заставлять Чи Аня ждать дальше. Он быстрым шагом вышел из-за угла коридора. Завидев его, бордер-колли рванул навстречу, натянув поводок пёс преданно и без остановки вилял хвостом, издавая тихое, но бурное от восторга поскуливание.

- Он очень по тебе скучал, - собака дотащила Чи Аня прямо к Лян Цэ. Улыбка парня мгновенно изменилась, он снова заморгал и громко, во всеуслышание объявил: - Он весь день только о тебе и думал.

Эта сцена намертво врезалась в память Лян Цэ. Она была слишком удивительной. В этом «кадре» никто, включая даже собаку, не проявил к Лян Чэню ни малейшего интереса. Это воспоминание превратилось в обои на рабочем столе в голове Лян Цэ. Стоило ему проснуться, собираться отойти ко сну или изнывать от изнурительных допросов клиентов, Лян Цэ один за другим сворачивал запущенные в мыслях рабочие окна, втихаря обнажая эту «заставку», и жадно ею любовался.

Через два дня после той встречи Лян Цэ получил звонок от Лян Чэня:

[Брат, того парня, которого я встретил у тебя в офисе, зовут Чи Ань, верно? Он тебе нравится].

Лян Чэнь просто констатировал факт, поэтому Лян Цэ проигнорировал утверждение и сразу спросил:

- Что ты задумал?

[Тебе ведь плевать, что задумал я. Но тебе точно не плевать на то, что задумал он], - у Лян Чэня был довольно высокий для мужчины голос. Когда он радовался, этот голос делал его ещё более живым и очаровательным; когда же он угрожал, его тон напоминал пронзительный свист ледяного ветра за окном. - [Он кажется полной противоположностью Чжо Сыюаня. Неужели ты надеешься, что они оба влюбятся в одного и того же человека?]

Лян Цэ почувствовал подступившую к горлу тошноту. Ему хотелось сбросить вызов, но Лян Чэнь не дал ему такой возможности:

[Помнишь Дун Яна, с которым я познакомился в баре? Ну, тот мажор, который учился за границей. Так вот, он как-то ходил на свидание с Чи Анем].

[Он рассказал, что у Чи Аня есть парень, по которому тот сохнет уже очень давно. В заграничном универе он любил его до безумия, именно поэтому потом и отшил Дун Яна. Тот всё никак не мог успокоиться и выпросил фотку этого парня у одной знакомой пацанки, которая близко общается с Чи Анем].

[О-о-о...] – протянул Лян Чэнь с издевательской, двусмысленной интонацией и добавил: – [А ещё он сказал, что Чи Ань отрывается по полной. По нему и не скажешь, да? Оказывается, раньше у него были проколоты губа и язык. Ха, вы ведь ещё даже не целовались?]

[К тому же он буквально играет со смертью. Как-то раз он, словно безумный, вылетел на лошади прямо на оживлённое шоссе, слетел с седла и потом кучу времени провалялся в больнице. Кто бы мог подумать... А я ещё в прошлый раз звал его в паб. Для него это, небось, детский лепет...]

В самые критические моменты у людей часто вспыхивает первая реакция, природу которой сложно объяснить логически. Например, когда Лян Цэ впервые встретил Чи Аня, его первой реакцией была влюблённость, и он сам не знал почему. А теперь, выслушав всю эту тираду, его первой реакцией стал один-единственный, простой вопрос: «Ему было больно?»

Упасть с лошади... Насколько это больно? Как долго длилась эта боль? Был ли кто-то рядом, чтобы поддержать его?

Если верить словам Лян Чэня, Чи Ань «отрывался по полной», а значит, пользовался популярностью. Значит, в те моменты с ним наверняка кто-то был. И это просто замечательно.

Лян Цэ даже почувствовал облегчение и лишь после этого спросил:

– Лян Чэнь, мне не казалось, что ты так уж сильно любил Чжо Сьюаня. Почему ты так отчаянно ненавидишь меня из-за этого?

Даже если это ненависть... Неужели того, что он видел, как Лян Цэ выставили вон из дома, а его жизнь кардинально изменила направление, всё ещё было мало?

Лян Чэнь коротко рассмеялся и, проигнорировав вопрос брата, как ни в чём не бывало продолжил:

[Дун Ян в конце ещё добавил, что тот парень внешне чем-то похож на меня. Ну, только вайб у

него высокомерный и холодный, из тех, кто смотрит на людей исключительно сверху вниз. Раз он похож на меня, значит, на тебя он должен походить ещё сильнее, а?] – Лян Чэнь выдал легкомысленную, издевательскую интонацию, явно получая колоссальное удовольствие от того, что делает. – [Как думаешь, братец, это к тебе наконец бумеранг прилетел?]

Лян Цэ сбросил вызов. В этот момент он сидел в абсолютном одиночестве на диване в своей гостиной, но вокруг него как будто стоял оглушительный шум.

Ему отчаянно хотелось тишины, поэтому он на время мысленно отстранился от реальности и принялся потерянно блуждать по закоулкам собственной памяти. Он вспомнил автокатастрофу, в которую попал несколько лет назад. Тогда образцы, которые должен был снимать один из его блогеров, по ошибке отправили не по тому адресу. Курьерская доставка уже не успевала, и Лян Цэ посреди ночи сам сел за руль, чтобы доехать из Пекина в Тяньцзинь и забрать посылку. В пути Лян Цэ, который к тому моменту страдал от бессонницы уже трое суток, внезапно почувствовал такую дикую сонливость, что просто не смог открыть глаза, и на полной скорости влетел во встречную машину, ехавшую без габаритных огней. В то мгновение, когда сработала подушка безопасности, Лян Цэ ощутил вовсе не спасительную безопасность, а зловещее, жестокое сопротивление. Он почувствовал себя куском надёжно защищённого, но уже мёртвого мяса.

Лян Чэнь только что спросил: «Это к тебе наконец бумеранг прилетел?». Наверняка он радовался от чистого сердца, но вместе с тем этот вопрос дал Лян Цэ выбор. У Чи Аня есть человек, которого он тайно любит. Возможно, из-за того, что им абсолютно не суждено быть вместе, Чи Ань просто использует Лян Цэ как замену, как живой манекен. Лян Цэ следовало бы вовремя минимизировать убытки и отступить. Следовало позволить этой «подушке безопасности» с силой врезаться в себя, чтобы почувствовать ту самую боль, доступную только выжившим, и остаться хотя бы жалко, но защищённым.

Однако именно в этой критической точке, когда правильнее всего было бы бежать без оглядки, с Лян Цэ произошло самое невероятное чудо. Он почувствовал, как его любопытство, которое, казалось, давно должно было атрофироваться и умереть, вспыхнуло с новой силой. И теперь оно было безнадежно, маниакально сфокусировано на Чи Ане.

Зачем Чи Ань вообще проколол себе язык и губу? Было ли ему больно? Начиналось ли воспаление? Лян Цэ этого не знал. Но зато Лян Цэ точно знал, что Чи Ань совершенно не умеет есть острое. Во время их прошлого ужина они случайно заказали блюдо, в описании которого не было указано наличие перца. Чи Ань тогда, сделав глоток ледяной воды, беспомощно высунул самый кончик языка и принялся судорожно дышать, жалуясь, что еда слишком острая... Лян Цэ тогда едва не забыл, как дышать и что нужно ответить. Потому что Чи Ань в тот момент и сам выглядел чертовски «остро» и сексуально. Лян Цэ изо всех сил старался сдерживать взгляд, но он отчётливо помнил кончик его языка и на нём ничего не было. Куда же делся пирсинг Чи Аня?

Лян Цэ до безумия хотел это узнать. Он отчётливо понимал, что на этот раз любопытство его действительно погубит и сотрёт в порошок, оставив от его и без того пустой оболочки лишь безжизненное пепелище. Но господи, как же сильно Лян Цэ хотел это знать!

Ему даже стало любопытно, что из себя представляет тот человек, в которого Чи Ань тайно влюблён. Тот парень, должно быть, высокий - что ж, Лян Цэ тоже высокий. Губы у него, возможно, тонкие - Лян Цэ поджал свои губы чуть плотнее. Чи Ань, скорее всего, обожает, когда тот мужчина смотрит на него, слегка опустив веки, или, может, тот тип вообще ни на кого не смотрит... И вот здесь крылось их главное различие с Лян Цэ. Из-за специфики своей работы Лян Цэ привык всегда внимательно и уважительно смотреть собеседнику прямо в глаза, на одном уровне. Если перед ним стоял человек ниже ростом, Лян Цэ обязательно садился, чтобы вести диалог, а при необходимости даже опускал высоту стула.

Единственный раз, когда он долгое время смотрел на Чи Аня сверху вниз, случился в кинотеатре, куда они пошли сразу после встречи с Лян Чэнем. В самый разгар сеанса телефон Чи Аня выскользнул из рук и улетел на пол. Парень опустился на корточки, чтобы нащупать его, а через мгновение коснулся колена Лян Цэ: «Что ж делать, он под кресло улетел, помоги найти», - Чи Ань поднял на него глаза, отчего складка на его веках стала глубже, а зрачки заблестели ещё ярче. Его ладонь через ткань джинсов покоилась на колене Лян Цэ, а ногти мимоходом, словно случайно, провели по коленной чашечке.

Я буду играть роль того, кого он любит, - с пугающей лёгкостью принял решение Лян Цэ. Ракурс, в котором он смотрел на Чи Аня сверху вниз, позволял ему почувствовать себя своего рода божеством. Божеством, которое способно помочь Чи Аню отыскать потерянный телефон. И способно сделать так, чтобы Чи Ань всегда был счастлив.

Комментарии переводчиков:

сам накрутил, сам придумал, сам поверил. план надёжный как швейцарские часы

а брат конечно тот ещё язва бе

- ТКТ

а меня после этой главы штормит от фразы «я буду играть роль того, кого он любит». чувак реально решил стать живой заменой человеку, которого даже не видел. это уровень самоотречения, достойный отдельного диагноза. но при этом сцена в кинотеатре — чистый сахар, и я не могу их осуждать ('□• ~ •□`)

- Мелодия

<http://bllate.org/book/20873/2116875>